

УДК 37.016:811.133.1'37
ББК Ш147.11-9-3.

Н.А. Ковалева

**СЕМЕЙНЫЕ ПИСЬМА
РУССКИХ КЛАССИКОВ
В СЕМАНТИКО-
ПРАГМАТИЧЕСКОМ
АСПЕКТЕ**

Рассматривается семанτικο-прагматический аспект семейных писем А.С. Пушкина и А.П. Чехова. Стилизовое и стилистическое формируется в тексте с учетом адресата письма, определяется способ изложения информации, экспрессивно-эмоциональный настрой, оценочная характеристика, употребление тех или иных языковых конструкций, типов обращений и прочее.

Ключевые слова: *семантика, прагматика, семейные письма, коммуникативная направленность.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-167-174

Ковалева Наталья Анатольевна – докт. филол. наук, профессор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Тел.: 8-915-483-54-53
E-mail: kna13@yandex.ru

© Ковалева Н.А., 2016.

В современной лингвистике не ослабевает интерес к эпистолярному. Ученые подчеркивают «целесообразность и перспективность специализированного исследования письма для постижения не только природы этого социального феномена и множественности его ипостасей, но и его места и роли в системе человеческой коммуникации и жизни общества, от глубокой древности до наших дней» [Алексеев, с. 56].

Синхронное осмысление типологии письма, на наш взгляд, следует соотносить с разными сферами его описания. В эпистолярном ведении можно выделить следующие классификационные аспекты письма: текстологический, жанрово-поджанровый [Фесенко; Ковалева, 2011], семиолого-семантический (тематический), стилизово-стилистический, коммуникативный [Ковалева, 2013], правовой и этический [Каленова]. Особого внимания заслуживает семанτικο-прагматический аспект.

Семейные письма русских классиков, где высказываются сокровенные размышления и наблюдения писателей, характеризуются ярким самовыражением творческого начала. Прагматическая интерпретация обобщает комплекс вопросов, связанных с адресантом, адресатом и их взаимодействием в ситуации общения. Субъект речи (автор письма) определяет прагматические правила сообщения: свою референциальную установку, определяющую отношение языковых выражений к реалиям действительности; явные и скрытые цели высказывания – сообщение информации в иллокутивной

упаковке; речевую тактику и типы речевого поведения; правила эпистолярного общения, подчиняющиеся принципу сотрудничества. Прагматическая составляющая включает: а) авторское отношение к изложению информации: оценка содержания, коннотации (ирония, шутка, пародийность и т.д.) и актуализация смысловых точек высказывания, б) намеки, иносказания, обиняки и др., т.е. косвенные смыслы высказывания, отражающие иллюкуцию адресанта.

Доминантную составляющую эпистолярных текстов можно определить как *автопрагматику*, т.е. личностное отношение автора к тому, что он сообщает: аксиология излагаемого, эмотивность, эмпатия того или иного лица, акцентуация какого-либо фрагмента мысли и др. Автопрагматика письма имеет важное значение как документ эпистолярного общения, отражение стилистической нормы в прозе письма, работа над техникой письма и автобиографическое свидетельство.

Г.А. Гуковский назвал письма А.С. Пушкина «лучшей биографической книгой, написанной им самим» [Гуковский]. В письмах – вся жизнь поэта, запечатлены его мысли, его планы, жизненные тяготы, душевные тревоги. В письме к своему брату Л.С. Пушкину А.С. Пушкин дает советы, правила жизни, которые приобретены им ценой горького опыта, которые помогут избавить брата «от дней тоски и бешенства». Это своеобразная исповедь поэта, в которой он предостерегает брата от ошибок собственной молодости. Письмо это написано на французском языке, крайне редко цитируется, но раскрывает всю боль и горечь испытаний, выпавших на его долю: *«Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении в свет.*

Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся ее допускать в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем <...>

Никогда не принимай одолжений. Одолжение, чаще всего – предательство. Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает.

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII-го столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею.

Никогда не забывай умышленной обиды, – будь не многословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление.

Если средства или обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений...

Никогда не делай долгов; лучше терпи нужду; поверь, она не так ужасна, как кажется, и, во всяком случае, она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным или прослыть таковым.

Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта» (сентябрь (после 4) – октябрь (до 6) 1822 г.).

Письма Пушкина к жене – подробные отчеты о прошедших днях и событиях того дня, когда пишется письмо. Автопрагматика этих писем содержит целый ряд поведенческих рекомендаций. Идеал замужней женщины у Пушкина – Татьяна Ларина. Эталон поведения светской дамы он излагает в письме к Наталье Николаевне словами из романа, переводя стихотворные строки в прозаический регистр: *«Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкое непустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, все, что не comte il faut, все, что vulgar. Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя»* (30 октября 1833 г.). Ср. шутивное: *«Вчера приехал Озеров из Берлина с женою в три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думал о тебе и желал тебе воротиться из Завода такую же тетехой. Полно тебе быть спичкой»* (11 июля 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод).

Автопрагматика поэта связана не только с изложением этической нормативности, она проявляется не только в когнициях и эмоциях бытового осмысления, но заключена и в портретных и пейзажных зарисовках: *«Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход...»* (Н.Н. Пушкиной от 16 декабря 1831 г.).

Семейные письма А.П. Чехова стилистически многообразны, речевая структура письма – это живой разговорный язык и одновременно овеванные мягкой чеховской усмешкой высокие книжные «словеса», мозаичность композиции, это разговор, когда «я вижу Ваше лицо». Это средство общения с близкими ему людьми: *«Да, откровенно говоря, не понимаю я того писания к дорогим и близким людям, которое пишется по обязанности, а не в минуты хорошего настроения, когда не боишься ни за свою искренность, ни за размер письма»* (Ал. П. Чехову, 1903 г.).

Непринужденность и бытовая интимность разговора в семейном письме поддерживается обилием шуток, каламбуров, дружеских прозвищ, жаргонных словечек, употреблением разговорно-просторечной лексики. См. письмо к брату Ал.П.Чехову от 4 апреля 1893 г.: *«Ты, сын А ла тремонтана*, спрашиваешь, в каком положении у нас весна. Отвечаю: в руке лето. Снег, ветры, нет проезда, по ночам морозы и скворцы было прилетели, но подумали и опять улетели. Препаскудная погода. Жалею, что я не пьяница и не могу нализаться, как стелька. Очевидно, весна будет холодная, аспидская. Кроме поэтических соображений на-*

счет весны, волнуют еще хозяйственные: скот кормить нечем, так как земля покрыта снегом. <...>

Чем глубже погружаюсь я в старость, тем яснее вижу шипы роз, коими усеян твой жизненный путь, и тем грубее представляется мне материя, из которой сшиты подштанники нашей жизни. Детство отравлено у нас ужасами, нервы скверные до гнусности, денег нет и не будет, смелости и умения жить тоже нет, здоровье скверное, настроение хорошее для нас почти уже не доступно – короче говоря, не будьте благомысленны, как говорил [...] Мишка Черемис. <...> Будь здоров и пиши почаще. Наталиш Александровне низко кланяюсь и христосуюсь с ней. Детей заочно секу. Нового ничего нет. Твой А. Чехов».

Автопрагматика письма определяет употребление той или иной языковой единицы, но А.П. Чехов создает и свои собственные этикетные формулы с определенным стилистическим настроем. В зависимости от того, кому адресовано письмо, этикетная формула обращения может быть различной и характеризоваться определенной тональностью в соответствии с социальными ролями адресатов, их ролевыми позициями, с взаимными отношениями коммуникантов. Например, Чеховым: «Благосклонные читатели и благочестивые слушатели!» (7 апреля 1887); «Милые домочадцы!» (22 июня 1888); «Друзья мои тунгусы!» (23 апреля 1890); «Великолепная моя мамаша, превосходная Маша, сладкий Миша и все присные мои!» (14 – 17 мая 1890). Ср. обращения к брату Александру Павловичу Чехову: «Легкомысленный и посмеяния достойный брат мой Александр!» (12 ноября 1882); «Уловляющий контрабандистов-человеков-вселенную, таможенный брат мой, краснейший из людей, Александр Павлыч!» (25 декабря – 2 января 1883); «Доброкачественный брат мой, Александр Павлович!» (20 февраля 1883); «Недоуменный ум!» (22 – 23 февраля 1887); «Разбойник пера и мошенник печати!» (24 октября 1887); «Гнусный шантажист!» (5 апреля 1888); «Отче Александре!» (24 сентября 1888); «Европейский брат!» (5 июня 1890); «Плодовитая смоковница!» (6 августа 1891); «Литературный брандмайор!» (28 февраля 1892). Ср. письма к сестре М.П. Чеховой: «Наша собственная сестра!» (3 сентября 1884); «Мадемуазель сестра!» (14 июля 1888); «Цецилия Архимадритова!» (9 – 10 января 1891); «Благородная сестрица» (16 марта 1891).

Во многих чеховских эпистолярных произведениях проявляется объединение письма как специфического прозаического жанра и драмы как рода литературы. Сценичность выражается в диалогичности, в рецензиях-пародиях на спектакли в саду «Эрмитаж», в привычке излагать свои мысли об искусстве языком драмы и даже с подробным описанием поведения актеров и зрителей зала.

В письме к брату Ал.П. Чехову от 20 ноября 1887 г. Чехов охарактеризовал постановку его первой пьесы «Иванов» в театре Ф.А. Корша. Письмо содержит изображение действия от первого до четвертого акта с пространными авторскими ремарками актерской игры и зрительской реакции:

«Ну, пьеса проехала... Описываю все по порядку. <...>

Первое действие (здесь и далее жирный курсив А.П. Чехова. – Н.К.). Я за сценой в маленькой ложе, похожей на арестантскую камеру. Семья в ложе бенуар: трепещет. Сверх ожидания я хладнокровен и волнения не чувствую. Актеры взволнованы, напряжены и крестятся. Занавес. Выход бенефицианта. Неуверенность, незнание роли и поднесенный венок делают то, что я с первых же фраз не узнаю своей пьесы. Киселевский, на которого я возлагал большие надежды, не сказал правильно ни одной фразы. Буквально: **ни одной**. Он говорил свое. Несмотря на это и на режиссерские промахи, первое действие имело большой успех. Много вызовов.

2 действие. На сцене масса народа. Гости. Ролей не знают, путают, говорят вздор. Каждое слово режет меня ножом по спине. Но – о муза! – и это действие имело успех. Вызывали всех, вызывали и меня два раза. Поздравление с успехом.

3 действие. Играют недурно. Успех громадный. Меня вызывают три раза, причем во время вызовов Давыдов трясет мне руку, а Глама, на манер Манилова, другую мою руку прижимает к сердцу. Торжество таланта и добродетели.

Действие 4: 1 картина. Идет недурно. Вызовы. Засим длиннейший, утомительный антракт. Публика, не привыкшая между двумя картинами вставать и уходить в буфет, ропщет. Поднимается занавес. Красиво: в арку виден ужинный стол (свадьба). Музыка играет туши. Выходят шафера; они пьяны, а потому, видишь ли, надо клоуничать и выкидывать коленцы. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас. Засим выход Киселевского: душу захватывающее поэтическое место, но мой Киселевский роли не знает, пьян как сапожник, и из поэтического коротенького диалога получается что-то тягучее и гнусное. Публика недоумевают. В конце пьесы герой умирает оттого, что не выносит нанесенного оскорбления. Охладевшая и утомленная публика не понимает этой смерти (которую отстаивали у меня актеры; у меня есть вариант). Вызывают актеров и меня. Во время одного из вызовов слышится откровенное шиканье, заглушаемое аплодисментами и топаньем ног...

Твой А. Чехов»

Арзамасская поза, эскизные зарисовки портретных характеристик автора пьесы, его родных, актеров и публики, критика недоумения и восторг зрительского зала по сути своей является подтекстом серьезного самоанализа. Здесь излагаются глубокие размышления о технике драмы, ее оценка по меркам самого автора, а не «хорошего общества», вырабатываются драматургические критерии сценического искусства.

Сахалинский цикл семейных писем А.П. Чехова резко выделяется по своей тематике, тону и манере изложения. Лексический и грамматический строй писем характеризуется «простотой разговора», конкретикой темы и негацией оценки. В письме к М.П. Чеховой от 14 – 17 мая 1890 г. описывается жизнь и быт ссыльных: *«<...> В деревне грелся и пил чай. Приходили за милостыней ссыльные. Для них каждая семья ежеднев-*

но заквашивает пуд пшеничной муки. Это вроде повинности. Ссылные берут хлеб и пропивают его в кабаке. Один ссылный, оборванный, бритый старик, которому в кабаке выбили глаза свои же ссылные, услышав, что в комнате проезжий, и приняв меня за купца, стал петь и читать молитвы...»; ей же в письме от 13 июля 1890 г.: «<...> Вдобавок еще не знаем, что нам есть. Население питается одной только черемшой. Нет ни мяса, ни рыбы; молока нам не дали, а только обещали. За маленький белый хлебец содрали 16 коп. <...> водка между тем есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно. А между тем, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо легче, чем водку, которая и дороже и везти ее труднее. Нет, должно быть, пить водку гораздо интереснее, чем трудиться ловить рыбу в Байкале или разводить скот...».

Ранние супружеские письма к О.Л. Книппер шутивы, ироничны, пародийны, и истинное отношение к жене как бы затерялось среди «разноцветного» калейдоскопа: «Дуся, зачем ты прислала мне почтовую повестку? Надо было просто написать или сказать почтальону мой адрес, вот и все. Оную повестку получи при сем и тотчас же прикажи опустить в почтовый ящик, не наклеивая никаких марок и не кладя в конверт. Поняла?»

Почему ты так радуешься, что тебе удастся роль добродетельной? Ведь добродетельных играют только бездарные и злые актрисы. Вот тебе, скушай комплимент. Уж лучше тех ролей, что я написал для тебя («Чайка», например), у тебя едва ли найдется. Не говорю, что роль написана хорошо, но она играетя тобою великолепно. А позвать Комиссаржевскую для «Чайки» – это было бы совсем недурно. Я здоров. Больше ничего не имею сообщить о своей особе. Ну, целую мою бабулю. Будь здорова, вспоминай иногда о муже. Твой А.» (17 февраля 1903 г.).

Прагматика этого письма характеризуется как межжанровой, так и внутрижанровой вариативностью сообщения. Межжанровая вариативность характерна для первого абзаца письма, где обыденная разговорность: «Дуся», «просто сказать или написать почтальону мой адрес» и т.д. – противопоставлена официозной книжности: «оную повестку получи при сем», «прикажи опустить» и др. Рамку первого абзаца составляют интимно-бытовое обращение «Дуся» и резюме «Поняла?». Семантический контраст создается стилизованным противопоставлением «Дуся», «просто написать и сказать», «Поняла?» и архаической лексикой «оный», «при сем». Контраст разрушает законы стилистических норм, свойственных эпистолярным XIX в. Экспрессивно-эмотивная ласкательность, доброжелательность в зачине и резюме абзаца рассогласовываются с иронически-насмешливой торжественностью, официозно-деловой аксиологией: «Оную повестку получи при сем...». Стилистика антитетики актуализирует ценностную характеристику сообщаемого, которая включает, казалось бы, несовместимые друг с другом определения одного и того же события. Возникающая стилистическая амбивалентность ('двойственность чувственного переживания') регистрирует шутивную пародийность чеховской манеры изложения события. Вну-

триэпистолярная амбивалентность представлена также семантико-стилистическим контрастом синонимических именований – обращений в начале и конце письма: «Дуся» – «Бабуля». Общая разговорная принадлежность указанных слов, а также ласкательность обращений – интегральные признаки, которые в тексте письма расходятся в семантически-аксиологических интерпретациях. «Дуся» – слово разговорно-бытовое, «бабуля» – также разговорно-бытовое, но слово «бабуля» обладает негативно-ласкательной аппрессиативностью – легкой уничижительностью при указании возраста адресата. Антитетичность нарушает этикетную квалификацию тех лет: О.Л. Книппер в то время было 35 лет (О.Л. Книппер-Чехова – 09.09.1868 г. рождения); в соответствии с прямой референцией конца XIX в. возраст О.Л. Книппер относился к «глубокой зрелости».

Таким образом, прагматические правила авторов писем связаны с освещением реальной действительности в свете явных и скрытых целей высказывания (прямой и косвенной автопрагматики), избранной ими речевой тактикой и типами речевого поведения, определяемого адресатом.

Примечание

* Так Чехов в шутку называл своего отца (тремонтана – Норд-Ост в Италии).

Литература и источники

Алексеев А.Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4.

Гуковский Г.А. Письма Пушкина // Правда. 1937. 7 января.

Каленова Н.А. Приватность частного письма и возможность его опубликования: правовой и этический аспекты проблемы // Филология и человек. 2015. №2.

Ковалева Н.А. Салонное письмо И.С. Тургенева как вид частного письма русских классиков XIX века // Текст. Структура и семантика: докл. XIII Междунар. конф. / отв. редактор Е.И. Диброва. М., 2011.

Ковалева Н.А. Коммуникативный аспект русского частного письма XIX века // Художественный текст: структура, семантика, стилистика: сб. науч. статей к юбилею Е.И. Дибровой. М., 2013.

Пушкин А.С. Письма: в 3 т. М.; Л.: Academia, 1926 – 1935.

Фесенко О.П. Жанровые особенности дружеских писем И.И. Пущина // Омский научный вестн. 2006. №1 (34). С. 208-210.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма в 12 т. М., 1983.

References

Alekseev A.N. Pis'mo, dnevnik, avtobiografiya: mnogoobrazie form i sopryazhenie smyslov (teoretiko-metodologicheskie zametki) // Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. 2007. №4.

Gukovskii G.A. Pis'ma Pushkina // Pravda. 1937. 7 yanvarya.

Kalenova N.A. Privatnost' chastnogo pis'ma i vozmozhnost' ego opublikovaniya: pravovoi i eticheskii aspekty problemy // Filologiya i chelovek. 2015. № 2. S.18-29.

Kovaleva N.A. Salonnoe pis'mo I.S. Turgeneva kak vid chastnogo pis'ma russkikh klassikov XIX veka // Tekst. Struktura i semantika: dokl. XIII Mezhdunar. konf. / otv. redaktor E.I. Dibrova. M., 2011. S. 48-58.

Kovaleva N.A. Kommunikativnyi aspekt russkogo chastnogo pis'ma XIX veka // Khudozhestvennyi tekst: struktura, semantika, stilistika: Sb. nauch. statei k yubileyu E.I. Distrovoi. M., 2013. S. 110-122.

Pushkin A.S. Pis'ma: v 3 t. M.; L.: Academia, 1926 – 1935.

Fesenko O.P. Zhanrovye osobennosti družeskikh pisem I.I. Pushchina // Omskii nauchnyi vestn. 2006. №1 (34). S. 208-210.

Chekhov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma v 12 t. M., 1983.

Kovaleva N.A. (Moscow, Russian Federation)

Family letters of Russian classic writers in semantic-pragmatic aspect

The article deals with semantic-pragmatic aspect of family letters of A.S. Pushkin and A.P. Chekhov. Style and stylistic forms in the text, taking into account the recipient's letter is determined by the method of presentation of information, expressive and emotional mood, estimated characteristics, the use of certain language constructions, types of applications. Depending on the recipient's letter etiquette inversion formula can be different and characterized by a certain tone in accordance with the social roles of the recipients, their role positions, relationships with the communicants. Autopragmatics of A.S. Pushkin is associated with the statement of ethical normativity, it manifests itself not only in the cognitions and emotions of everyday thinking, but lies in the portrait and landscape sketches. Family letters of A.P. Chekhov are characterized by genre and stylistic diversity. Pragmatic rules related to the author's letters are connected with the description of the explicit and implicit utterance goals (direct and indirect), chosen tactic of speech and types of verbal behavior, defined by the addressee.

Key words: *semantics, pragmatics, family letters, communicative orientation.*

Kovaleva Natalya Anatolievna – Ph.D. of linguistics, associate professor, professor. Center of linguistics and professional communication. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Phone.: 8-915-483-54-53; e-mail: kna13@yandex.ru